

Пронь Вячеслав

ТИХИЕ ГЕРОИ

книга первая

Вячеслав Пронь
Тихие герои. Книга первая

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Пронь В. А.

Тихие герои. Книга первая / В. А. Пронь — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В конце 1941 года армия Манштейна захватывает практически весь Крым. Истекает кровью осажденный Севастополь. Бывший экскурсовод Сергей Щедрин возобновляет работу музея в графском дворце. Разграбление коллекций остановлено, но часть картин все же утрачена. Спустя 75 лет на поиски полотен гениальных русских мастеров отправляется московский авантюрист-предприниматель. Чтобы найти шедевры, ему потребуется восстановить историю событий той страшной войны.

– Дамы и господа, наш аукционный дом благодарит вас за то, что этот прекрасный вечер мы провели вместе с вами. Мы уверены, что инвестиции в высокое искусство позволят вам...

Ехидный кашель соседа Драгунского заглушил окончание витиеватого прощания аукциониста. Другие участники торгов задвигались, заговорили разом, закричали стульями.

Но ведущий просто не мог так вот взять и закончить свое шоу.

– И на прощание – сюрприз! Дамы и господа... Мы представляем вашему вниманию сенсацию этого года: лоты из коллекции знаменитого русского графа Михаила Александровича. Прошу вашего внимания!

В зале вновь угас свет, и, к всеобщему удивлению, на экране задержались кадры черно-белой хроники. Группу военных в нацистской форме ведёт по дворцу мужчина средних лет с чеховской бородкой в костюме и массивных очках. В каждом движении гида заметны неловкость и напряжение. Офицеры, напротив, раскованы и довольны. Вот один усаживается в музейное кресло, закидывает ногу на ногу, жестом просит дать ему прикурить, манерно позирует. Другой подталкивает экскурсовода тростью в направлении следующей комнаты. В поле зрения кинооператора помимо крупных планов лиц почти случайно попадают великолепные образцы мебели, живописных работ, различимы даже рисунки наборного паркета.

Виктору приходилось бывать в этом роскошном дворце, он без труда узнавал на кадрах многолетней давности знакомые интерьеры. Зацокали в восхищении коллекционеры–хорваты.

Титры сообщали, что только благодаря случайности и Божественному Провидению дворец не пострадал от германских и советских войск. Однако коллекция была частично утрачена.

Двухминутный ролик закончился так же, как и начался – под истошные вопли лысого округлого аукциониста о невероятной возможности принять участие в торгах за лоты из возвращенного цивилизованному человечеству графского наследия: канделябр, набор столовой посуды на 12 персон, 2 вазы и портретный оригинал Карла Брюллова в воссозданной раме. По словам ведущего, эта картина считалась утраченной, но сенсационно вышла из небытия по воле необъявленного владельца.

Была назначена дата торгов и аукционист, довольный произведенным фурором, покинул зал. Ошеломленный Виктор еще долго глотал лондонский воздух, отказываясь верить увиденному. Неужели нашлись те самые экспонаты, о которых не было слышно столько десятилетий? Если это так, то можно будет сорвать очень даже неплохой куш. И речь могла бы идти не только о сотнях тысяч, если не миллионах долларов, но и о политической сенсации. Возвращение в крымский музей исчезнувших артефактов силами российских коллекционеров было бы хорошим подспорьем для переговоров на самом высшем уровне при упоминании щекотливой крымской темы. Но если первые предметы уже дошли до аукционов, Драгунскому стоило спешить.

После шумного МКАДа в аэровокзале оказалось неожиданно тихо и даже сонно. Драгунский не любил летать с багажом. К вещам, выезжающим на черных резиновых лентах, он относился с какой-то необъяснимой брезгливостью. Как-будто за то время, пока все эти сумки, портпледы и баулы не находились со своими хозяевами, с ними происходило что-то весьма неприличное. Потому с давних пор, планируя перелеты, он старался обходиться одним любимым кейсом, который служил Виктору верой и правдой много лет, а главное, помещался на верхней полке в салоне любого самолета.

После прохождения всех пропускных рамок ждать вылета оставалось около часа. Свободное кресло нашлось только напротив семейства из старика с удивительно ровной спиной, надутых, видимо, друг на друга родителей двух дошкольников и девочки лет двенадцати. Дети

явно утомлённые бездельем, бесперомонно изучили нового соседа, а затем, воспользовавшись безразличным молчанием взрослых, затеяли извечные догонялки.

Старший с лёгкостью ускользал от брата, ловко перепрыгивая через препятствия в виде чужих ног и ручной клади, укрывался за проходящими людьми. Однако в какой-то момент удача отвернулась от него, и он растянулся на полу, зацепившись за кейс Драгунского. Малыш заревел во весь голос, мамашка, зашипела на Драгунского что-то вроде: «Понаставят тут», приложила влажную салфетку к расквашенному носу сына.

– Пусть он закроет свой рот – подала голос сестра, не отрываясь от экрана планшета.

– Виктория, ну ему же больно, вон, видишь, даже кровь пошла.

– Его никто бегать не заставлял.

– Нельзя так относиться к брату.

– Можно! Этот мне не брат.

– Нет, нельзя. Чему ты Матвея учишь? Да брось ты свой планшет, помоги мне, достань еще салфетку. А эту – выбрось.

– Не буду.

– Андрей!? – обратилась к мужу за помощью мать.

– Что?

– Осколков ты, типа, не при делах? – взвилась женщина. – Не видишь, что мне помощи никакой? Только про свое Сколково и думаешь? Забери у нее планшет и пусть она поможет.

Драгунский улыбнулся: «В Сколково Осколков, забавно».

– Вичка, дай, – отец протянул руку, – ну, пожалуйста... И помоги матери.

– Она мне не мать!

– Ну, Вичка.

Мужчина продолжал тянуть к дочери руку, та постучала по экрану ноготком, свернув окна, и передала гаджет отцу. Но помогать мачехе не стала.

– Сколько я еще буду ждать? Господи, как же мне это все надоело! Как-будто мне одной надо возиться с твоим дедом, таскаться с ним на сборища выживших из ума, изображающих из себя героев.

– Они действительно были героями. Я же тебе рассказывал про крымских партизан. Они оставались в горах даже тогда, когда весь полуостров был занят фашистами. Дед с бабушкой прошли всю войну вместе.

– Не помню.

Рёв постепенно стих. Драгунскому уже было искренне интересно наблюдать эпизод. Женщина, чтобы успокоить сына, вернула отобранный планшет. Малыш привычно открыл Paint и начал старательно водить пальцем, но выходили только кривые, ничего не значащие каракули.

Девочка, оставшись без игрушки, стала цепляться к рисуящему.

– И что ты такое? Нарисуй хоть что-нибудь понятное.

– Что нарисовать? – ребенок поднял глаза на сестру.

– Ну, хотя бы солнце!

Вика стерла предыдущие рисунки. Брат засопел над заданием.

– Что это? Солнце? И что оно у тебя такое страшное? Это что?

– Это солнце, – настаивал мальчик.

– Ладно, – продолжала издеваться сестра, – это было легко. Солнце нарисовал бы даже мой дед, – сказала она, акцентируя внимание на слове «мой», – Правда, же, дедушка?

Девочка повернулась к неподвижно сидевшему все это время прадеду. Она выхватила планшет, стёрла с экрана рисунок брата и сунула его старику.

– Ну, дедушка, нарисуй солнце.

– Отстань от него, у него не получится, – вступился за деда отец.

– Вот вы все время такие, отстань, отстань. А если я не хочу отставать, почему вы мне всегда указываете? Я тоже так буду. Как вы. Никого не слушаться и только говорить, говорить, говорить. Приказывать, приказывать, приказывать. И ничего не делать!

Девочка уже готова была расплакаться. Как вдруг фигура прадеда ожила и глухо проговорила:

– Как тут нужно рисовать?

Вика оцепенела на секунду, вытерла ладонью нос, и новый бесенок засверкал в ее глазах. Она объяснила, как рисовать, стирать, менять цвета и толщину линий. Мальчики обступили прадеда, с интересом наблюдая за его плохо гнущимися пальцами.

– А теперь... теперь, – девочка, явно проказничая, хотела придумать такую загадку, чтобы дед гарантированно оплошал, –... а теперь нарисуй счастье! Да–да–да, счастье!

Супруги переглянулись, Матвей закусил губу, тоже понимая невыполнимость задания. Все напряглись, ожидая реакции деда.

Драгунский, крайне заинтересованный, поднялся, сделав вид, что у него возник интерес к табло, расположенному за этой компанией, обошел кресла и посмотрел в экран. Сначала старик выбрал готовую форму звезды и цвет. Девочка скривила губы. Потом коряво написал: «Нонна».

Нонна

– Это мое счастье. Ее звали Нонна Ивановна. Она жила в страшное и тяжёлое время, в войну, но осталась смелым и добрым человеком. Настанет час, и уже ты, Виктория, станешь для кого-то счастьем.

Он передал планшет обратно внучке, у которой по щекам бежали ручьи. Отец потянулся к сыну, посадил его на колени, стеснительно уткнулся в его затылок с отросшими, мягкими, такими родными волосами. Супруга погладила Матвея по голове. «Дай–то Бог, дай–то Бог», – прошептала она.

Драгунский вернулся к кейсу, очередь, как по команде, зашевелилась, и скоро он уже летел в Симферополь.

Крупный ледяной дождь временами переходил в снегопад. Все дороги раскисли. Грузовики отступавшей Красной Армии то и дело останавливались, заходились двигатели в жалобном вое. Тогда бойцы привычно высыпали из кузовов и на руках выносили из хлябей своих “коней”. Щедрин, вынужденный по музейным делам, чуть ли не ежедневно мотаться в Ялту, не мог понять, что ждет всю эту реку из военных, гражданских, местных, приезжих, пеших, машин, подвод и верховых. Сотни, тысячи людей стекались на Южный берег с Перекопского перешейка, ближних плато и дальних восточных крымских гор. Ялтинский и Севастопольский порты были последними шансами на спасение, но помочь всем они уже не могли. Значит, кто-то останется, когда придут фашисты. Что ждет музей? Что ждет его самого?

Как–то в начале октября заместитель директора Антонов позвал Щедрина в свою комнату.

– Сергей Григорьевич, милый Вы мой человек, я и моя жена убедительнейше Вас просим подумать о себе и своей семье. Оставаясь здесь, Вы ничего и никому не докажете! Немедленно, я повторяю, немедленно отправляйтесь на Материк. Я отдам Вам ордер на сопровождение коллекций нашего музея. Вас, без сомнения, вывезут. Вы спасетесь сами и спасете нашу историю. Кроме Вас этого сделать попросту некому. Директор нас бросил, бежал, думая только о себе. Хорошо хоть ордер оставил.

Антонов попытался подняться, но ревматизм вновь срубил старика в кресло.

– Подкиньте, пожалуйста, дровишек в печь, не считите за труд.

Щедрин огляделся: у печи лежала кучка сырых веток, выдававшая себя за зимние запасы «дров».

– Только Вы уехали утром в Ялту, прибежал этот татарчонок, Амди. Говорит, вокруг музея ходит чужой в штатском, заглядывает в окна. Начал расспрашивать, что в ящиках. Амди испугался и – ко мне. Пришлось идти.

– И кто он?

– Не знаю, странный какой-то молодой человек. Стекло в гостиной, мерзавец, зачем-то разбил. Сбежал, когда меня заметил. Канистру бросил... Никак не могу понять для чего...

– Владимир Алексеевич! – перебил старика Щедрин, чтобы сменить щекотливую тему, – я Вам и Варваре Андреевне принес немного мяса, – Щедрин смущенно показал на мешок, оставленный у двери, из которого теперь предательски вытекала на пол черная жижа. – Извините, конины. У красноармейцев, сопровождавших нас из Ялты, лошадь пала. Они ее пристрелили. И любезно разрешили мне и еще двум товарищам из Горсовета отрубить немного.

Щедрин распустил завязку, достал из буфета блюдо, высыпал на него несколько крупных костей с ошметками сухожилий и половину конской головы.

– Варвара Андреевна, Варвара Андреевна! Сергей Григорьевич – наш спаситель. Он принес нам мяса.

Вернувшаяся с заднего двора Варвара Андреевна, со слезами радости бросилась помогать Щедрину вытирать с пола конскую кровь.

– Осторожней, Сергей Григорьевич, не запачкайтесь. Давайте, я сама. Тут уже немного осталось. Проходите к столу, я сейчас накрою, если Вы не против.

– Нет, нет, Варвара Андреевна, я сыт, – соврал Щедрин. – Надо еще обойти музей, слить воду из тазов, закрыть ставни, прочистить стоки от листвы. Поговорить с Дашей Степановной, чтобы звала если что.

– Если что? – переспросил Антонов.

Щедрин не ответил, протянул руки к потеплевшей печи. В жидком пламени ему виделись сожжённые на неделе такими же неизвестными гражданами дворец эмира Бухарского, корпус малого Ливадийского дворца и гостиницы «Дюльбер», по фасаду которой когда-то так чудно вилась китайская глициния. Вот это он имел в виду под «если что».

Несколькими днями ранее от председателя горисполкома Чолаха принесли предписание: готовить объект всемирного исторического наследия к минированию. Щедрин немедленно отправился на прием с просьбой не трогать дворец, но получил гневный отказ: «Мы Вам выдали ордер на эвакуацию экспонатов? Что Вам еще от нас надо? Чтобы я послушался самого товарища Сталина? Вы в своем уме? Или Вы хотите это всё богатство оставить Гитлеру? – кричал председатель, – иди, жди, и действуй! – Чолах сверился с записями. – На шестое назначили».

Щедрин понял, что в этом кабинете не до разговоров о культуре и спешно вышел

«Шестое! Значит, еще есть время. Экспонаты и ценности музея должны быть вывезены на Большую землю». – решил для себя Сергей Григорьевич.

С сентября все ящики, пронумерованные, укрытые заботливыми руками музейных сотрудников стояли в графской конюшне. И только сегодня Щедрину удалось выпросить в Крымнаркомпросе два автомобиля для вывоза мебели, предметов быта бывших обитателей дворца, античных скульптур, собственных фондов, передвижной выставки работ русских художников первой половины XIX века из коллекции ленинградского Русского музея, гостившей во дворце еще с начала лета. Отдельной задачей было сохранение библиотеки, состоявшей из тридцати тысяч томов XVIII–XIX веков издания. Во многих экземплярах имелись автографы авторов, что придавало им еще большую ценность. К воскресенью требовалось доставить 143 ящика в ялтинский порт. В ночь на понедельник морской транспорт «Советская Армения» в сопровождении катеров уходил в Новороссийск. Но «выбить» машины было только половиной дела. Топлива и грузчиков на перевозку не выделили. Предложили найти самому. У Щедрина оставалось два дня.

Попрощавшись с Антоновыми, Сергей Григорьевич переодевшись дома в сухое, отправился просить помощи у партизан, шумно роившихся в последние дни на дворцовой площади. Истребительный батальон лейтенанта Дергунова, размещенный в служебных пристройках, уже несколько дней активно пополнялся добровольцами из близлежащих поселков. Десятки людей день и ночь собирали, паковали, отправляли в горы продовольствие, боеприпасы, оружие, палатки, медикаменты – все, что нужно в походах.

Вход в штаб, разместившийся в Ш-ском флигеле, Щедрина перегородили начищенные сапоги дежурного.

– Куда путь держим?

– Доложите командованию, по служебному заданию прибыл Щедрин, из числа музейных работников.

Дежурный доложил, пригласил Щедрина внутрь. Щедрин шагнул и... задохнулся, закашлял в табачной пелене. «Хорошо, что картины и мебель не оставили, испортили бы дымом ни за что», – отметил он с удовлетворением. Кроме командира в зале был комиссар Плетняков, с которым Сергей Григорьевич познакомился, когда тот заходил в музей полюбоваться интерьерами.

– Товарищ командир, товарищ комиссар, – бодро начал Щедрин, – разрешите обратиться с просьбой, имеющей государственное значение. Мне, как ответственному сотруднику музея, поручено вывезти...

Тут Щедрин запнулся, понимая, что «вывезти» не совсем точное слово при отсутствии бензина, – и обеспечить эвакуацию...вывоз, – тут он совсем смутился и замолк, продолжая, однако, выводить в воздухе руками некие фигуры, которые, видимо, должны были одновременно объяснить и всю важность момента, и направление эвакуации и саму суть просьбы. Товарищи переглянулись, улыбнулись и, пыхнув папиросами, как сговорившись, встали из-за стола навстречу Щедрину.

– Товарищ музейный работник...

– Товарищ Щедрин, – пришел на выручку командиру Плетняков, – Сергей Григорьевич.

– Так точно, товарищ Щедрин, проходите, пожалуйста, располагайтесь. – Дергунов показал на стул, на котором минутами ранее сидел комиссар. – Вы даже себе не представляете, как Вы нам кстати. Чаю будете?

Щедрин кивнул.

– Величко!! – громко позвал Дергунов.

В комнату вошли дежурные сапоги.

– Вот что, Величко, сделай товарищу...Щедрину чаю. А, впрочем, и нам уже пора поужинать. Неси, Величко, чайник!

– Есть, товарищ командир отряда!

Щедрин сидел пораженный гостеприимностью его собеседников.

– Мы тут с товарищем комиссаром сегодня обошли весь парк, наметили план обороны, поднялись на крышу, осмотреть, так сказать, местность и пришли к выводу, что из Дворца – то весьма и весьма недурной укрепрайон выходит! Побережье все просматривается, а там где встретились мешающие обзору деревья и кусты, я уже дал команду их спилить. – Тут Щедрин охнул. Дергунов словно архитектор перед комиссией в творческом запале продолжал: Верхнее шоссе мы перекроем ежами, а Нижнее – заминируем. И вот у нас к Вам, дорогой Вы наш... араби, абари...

– абориген, – подсказал начитанный комиссар.

– Вот-вот, абориген! Вопросы у нас к Вам! Вы, наверняка, знаете, где можно заложить схроны на будущее для партизан, а где – мины для фрицев. У нас приказ. Мы уходим в горы. Но Ваш музей, весь этот лес – это мой район. Мы сюда обязательно будем возвращаться. За

едой и оружием. Но сначала мы должны обеспечить отход наших войск к Севастополю. И здесь мы дадим фашистам наш первый бой.

Щедрин был просто уничтожен.

– П–простите, товарищ командир, товарищ комиссар... какие мины? К–какой укрепрайон? – в голове Щедрина зашумело. «Взять себя в руки. Взять себя в руки» – твердил он. Отхлебнув из стакана крутейший кипяток и, даже не заметив этого, Щедрин довольно бесцеремонно перебил командира. – Я хотел вас просить помочь погрузить имущество в машины. Послезавтра придут машины за нашими ящиками. В них книги, вазы...

– Ну, точно, абориген, – залился искренним смехом Дергунов. На разных языках говорим. Эй, товарищ Шадрин, какие вазы? Послезавтра? Сюда послезавтра фрицы придут. Моя задача – остановить врага, прущего на Севастополь! И я сделаю это, пусть мне для этого нужно будет в них бросаться вашими вазами! И только потом уведу отряд в горы.

– Щедрин...

– Что?

– Щедрин его фамилия. Сергей Григорьевич

– Ну, Щедрин Сергей Григорьевич, так, где Вы посоветуете заложить мины?

Но Щедрин их уже не слышал, оставив чай недопитым, он побрел во Дворец. Величко догнал его во дворе, отдал забытую на столе шляпу.

Даша Степановна встретила дневными новостями: окна в Голубой гостиной она заклеила крест–накрест, как Вы велели, Петракова слегла по болезни, Тугаева передала, что уезжает назад в Лаки, а Грачевских опять не взяли на корабль и это при наличии ордера, представляете, Сергей Григорьевич? Щедрин сидел, обхватив голову руками.

Вдруг у Западных ворот раздался длительный гудок. Кто так поздно? Неужели он не успел? Из крытого ведомственного ЗИСа навстречу Щедрину шел вразвалку довольно молодой водитель. В кабине оставался еще один человек в шляпе. Из кузова донесся смех. Эти – надолго, понял Щедрин.

– Кто есть во здании?

– Не понимаю Вас, товарищ, потрудитесь изъясняться на понятном языке.

– Мы – из НКВД. Товарищ Чолах Вас предупреждал...

– Но вы же на вторник! Он же обещал!

– Ничего не знаю. Повторяю, кто есть во здании?

Щедрин решил затянуть разговор с этим косноязычным, переключив его на помощницу.

– Даша Степановна, дорогая, по стойте, поговорите, пожалуйста, с товарищем. Я скоро вернусь.

Щедрин бросился обратно во флигель: «Значит, председатель исполкома не стал ждать 6-го и прислал-таки особую команду».

Не замечая поднявшегося со стула Величко, Сергей Григорьевич ввалился в штабную комнату.

– Товарищ командир...

– Смотри, комиссар, наш-то музейный вернулся, за чаем, небось? Так он остыл уже, – начал было шутить Дергунов, но увидев по взгляду Щедрина, что речь сейчас пойдет ну никак не о книгах и переменял тон. – Что случилось?

– Там они... уже, приехали... товарищи с бомбами. Разгружаются. Взрывать собираются. Так что цитадели здесь не будет, простите.

– Что–о–о? – Дергунов с Плетняковым, схватив шинели, бросились во двор. – Величко, объявляй тревогу!

Даша Степановна уже голосила что-то на своем, бабьем, цеплялась за солдат. Шляпа мерз у входа в музей, спрятав руки в широких карманах тощего пальто. Молодой водитель командовал выгрузкой взрывчатки.

– Отставить! Отставить!! взревел Дергунов и, для упрощения понимания гостями серьезности своих намерений, дважды выстрелил в воздух. – Я командир 4–го ялтинского истребительного отряда лейтенант Дергунов. Представиться, быстро! Кто такие?

– Отдел по охране особо важных объектов оперуполномоченн. . .

– Да мне плевать из какого ты отдела, убери своих людей с территории!

Шляпа уступать, однако, не спешил. Поманив Дергунова пальцем, прошипел ему прямо в лицо:

– Лейтенант, успокойся. Уходи сам и уводи людей. Приказ товарища Сталина: врагу не должно достаться ничего. Нам поручено, и мы исполним. А препятствующие, – он помолчал, – будут наказаны. Фронт прорван, и ты это знаешь не хуже меня! И немцы скоро будут здесь! Вот этом самом месте!!! Я надеюсь, ты в курсе о последнем Постановлении Комитета обороны от 17 октября? У меня есть все основания и права расстрелять тебя прямо здесь и прямо сейчас.

Дергунов неожиданно стух, виновато повернулся в сторону Щедрина.

– Мне расстреливаться никак нельзя, понимаете? У меня отряд.

– Не надо расстреливать... не надо взрывать... Здесь ценности, книги, здесь история нашей страны, – Щедрин говорил и понимал, что чем дольше молчал Дергунов, тем меньше оставалось шансов у Дворца. Но тут он вспомнил о Плетнякове.

– Я прошу Вас, – прошептал Щедрин с глубочайшей мольбой в голосе. – Помогите, товарищ комиссар, Вы же образованный человек, ну Вы же понимаете, что это невосполнимо... Мы победим фашизм, но что скажут о нас наши потомки? Что мы своими руками уничтожили свою же историю?

И тогда произошло то, чего не ожидал никто. Серая мышь, тень командира партизанского отряда, комиссар Плетняков, поправив пенсне на вытянутом лице, развернулся вполборота к своим товарищам, громко отдал команду:

– Бойцы, слушай мой приказ. Первое отделение, оружие – наизготовку. Второе отделение, вернуть взрывчатку в машину. Командиру третьего отделения рассредоточить бойцов по периметру охраняемого объекта. – И, уже обращаясь к шляпе, негромко, но твёрдо произнес: «Завтра все ценности музея будут вывезены на Материк. И я сделаю все, что в моих силах, если есть хотя бы один шанс спасти их. Уходите, сегодня вы здесь ничего не взорвете».

Неистовое пенсне Плетнякова и стена, ощетилившаяся винтовками за его спиной, подействовали на особиста. Он подал знак водителю сворачиваться. Тот хэкнул недовольно, метнул окурок в мокрую темноту, но спорить не стал.

– Поел – убери за собой, – загоготал кто-то им вслед, – скатертью дорога, – подхватили в толпе. Водитель, не останавливаясь, словно тигр, загоняемый в клетку ненавистным дрессировщиком, повернул голову, чтобы запомнить обидчиков.

НКВДшники, зло фырча мотором, давно съехали со двора, партизаны, шумно и весело обсуждая произошедшее, вернулись в свои временные казармы, а Щедрин всё еще мок у Западных ворот, размазывая по щекам слёзы торжества.

За час до рассвета Плетняков предоставил в распоряжение Щедрина два автомобиля с заполненными до отказа баками и 4 человек для погрузки–разгрузки. В тот же день первые 43 ящика были отправлены в Ялту. Комиссар сам вызвался сопроводить груз до порта и сдать его на «Армению». Однако исполнить задуманное ему не удалось. Когда машины уже огибали Ливадию, их заметил пилот «Мессершмитта из сопровождения возвращавшихся бомбардировщиков. Вывалившись ненадолго из боевого порядка, он снизился до предельно низкой высоты, прошелся из пулемёта по лобовым стеклам машин и помчался догонять своих. В Плетнякова, ехавшего в кабине первого ЗИСА, попало сразу две пули – в сердце и шею. Залитый кровью комиссар умер мгновенно. Отряд неожиданно остался без своего вожака. Никаких инструкций относительно коллекции партизаны, конечно же, не имели. Большая часть их даже

не знало, что было в доставленных ящиках. Они, конечно, сунулись было на транспорт, но капитан Плашевский наорал на них, требуя какую-то бумажку. Подавленные смертью Плетнякова, они безо всяких пересчетов и мер предосторожности спешно сгрузили ящики прямо в слякотный двор склада, чтобы поскорее вернуться в отряд с трагической вестью о гибели комиссара.

Казалось, оставленное без присмотра графское наследие должно было бы неминуемо погибнуть. Но вышло так, что Плетняков дважды грудью закрыл исторические ценности от уничтожения. Первый – еще при жизни – от взрывников-особистов. Второй раз – уже посмертно. Оказалось, что ордер, выданный на вывоз музейных экспонатов в Туапсе и далее до Ташкента, был безнадежно испорчен пулей и залит кровью комиссара, а потому предъявлению не подлежал. Капитан «Армения» вполне обоснованно требовал новый. Привези он на Большую землю без предписания высших чинов вместо раненых солдат холсты и книги, его бы попросту отдали под трибунал. Так сотни гравюр, картин, ковров, столовых наборов – 43 ящика культурных реликвий – остались брошенными в порту. И это, как ни странно, спасло их. Днем позже переполненный людьми морской транспорт «Армения» при выходе из порта была разломлен надвое торпедой, пущенной с самолёта, и на глазах тысяч провожавших, практически мгновенно затонул. Катера сопровождения смогли спасти всего несколько человек.

А уже 8 ноября 1941 года в Ялту вошли немецкие армейские части.

Во внутреннем дворе севавтопольских малоэтажек, среди таких же, как она сама, развалюх, пылилась третий день раздолбанная, тонированная BMW. Сидевшие в ней трое крепких парней, бессменно присматривали за свежешелестенными окнами на первом этаже.

– ...Короче, мы, в принципе, готовы его принять, но выползает эта падла только днём во двор... Но, Карп!... здесь всегда столько людей... То есть надо дожидаться, чтобы он остался один? Да, босс, сделаем, – сидевший на задних креслах нервно нажал на кнопку прекращения разговора.

– Значит решение принято? – спросил водитель, повернувшись к разминавшему затёкшие ноги товарищу.

– Конкретное, Ёрш, конкретное, – хмуро подтвердил тот.

– То есть валить, да?

– Назад дороги нэма. Бывают в жизни нюансы. Знаешь, как за такое могут прижать? То есть ты понимаешь, на что идём?

– Понимаю, Косарь, не малой.

– Теперь смотрите. Он на первом этаже, так? Так. Сосед у него – алик, постоянно торчит у подъезда. Саня, пойдти, купи ему ящик бухла, скажи, что ангелы с небес передали, – Косарь засмеялся, – он в жизни потом ничего и не вспомнит.

– Да ему и стакана хватит, а ты – ящик!

– Не хмись, Саня... вот, возьми, – он протянул деньги, – сходи, пока я тут с Ершом покараулю.

– Мне-то что, пусть хотя бы и ящик, – согласился Саня и послушно потопал в ближайший «Пуд».

– А этот?... Фима... Вой не поднимет?

– Не знаю, все возможно. Ну, как узнать, поднимет – не поднимет? В крайнем случае, спишут на суицид. Устроим ему в этот раз удачную попытку. Он уже раз так делал, потом дурке лежал. Что-то у него в голове явно не в порядке, он столько лет по горам лазил, все тайники какие-то искал... Так что у врачей объяснение будет.

– Понятно, кстати, я пробил, куда он ходит. К банкоматам валютным.

– Видимо, ждёт, крыса.

– Да. Теперь вопрос к тебе, Ёрш, самый главный. Ты сам как, не спрыгнешь?

– Я?!

– Смотрю ты какой-то мёртвый в последнее время. Задумал чего?

Ёрш напрягся, задышал часто, опустил стекло двери и зачиркал зажигалкой. Выручил вернувшийся гонец.

– Хотя ноги размял, может, давайте, парни, уже ускоримся?

– Как ты хочешь ускоряться? – поддел Саню Косарь, – Карп сказал: «Светиться нельзя!», значит, сидим, ждём.

– Это будет полный отстой. Поверь, Косарь, на ухах будет стоять весь Севастополь, если что не так у нас сложится, и он соскочит. Только утихомирилось с весны и тут опять... Скажут, карповские ни о чём...

– Косарь, а что потом? Ведь это очень серьезно.

– Я понимаю. И Саня понимает, Косарь начал закипать, – мы тут все понимаем, что это очень серьезное дело. Как мне сказали, надо только выяснить и всё, а если что, то пусть он исчезнет, и никто нигде никогда его не найдет.

– Мой человек врать не будет, говорил, будто бы этот, – Саня мотнул головой в сторону окон, – мотается на Донецк, воюет там или барыжит... непонятно.

– Вот я вам и говорю, надо везти его туда живым, – настаивал Ёрш.

– Только живым и надо его туда доставить... – подтвердил Косарь. – А там уже сделать так, чтоб его на поле боя нашли.

– Короче, вальнуть, да? Грубо говоря, – оживился Саня.

– Не мне тебе рассказывать.

– Ну, я понял.

– Что нам светит? Тьфу, тьфу, тьфу, конечно. Это ж если что, то нас по полной программе проведут? – тревожился Ёрш.

– Не, ну раз уже взялись, я думаю, надо доделать до конца это всё.

– Вы то, готовы, если что отбрыкиваться?

– Что? – не понял водитель.

– Я имею в виду, если выйдут на ваши номера телефонов, найдут, когда вы с ним там созванивались. Менять номера ни в коем случае нельзя. Это будет подозрительно. Пусть он там выключенный, но он твой. Понимаете? Вот, не дай Бог что, как будете выворачиваться? Какие отходняки? По какой теме, спросят, вы с ним перетирали? Я, вот, допустим, знаю, если пробьют меня, скажу, что отзванивался по замене двери и по установке решеток на окна. Я действительно с этим завязан. Ну, а вы?

– Хм, ну, мы, Ёрш, с тобой понятно, ты – давнишний знакомый.

– Ну, дело вот в чём. Вы продумывайте, не спеша, вот эти вот все моменты, какие могут выплыть, до самых мелочей продумывайте. Связь, связь у нас с тобой, Ёрш, была, запомни это. Я то же самое буду говорить. Мол, ты собирался жениться. Я рекомендовал подарок подыскать у этого Фимы. Вот и всё.

– По поводу свадьбы. Ха-ха. Свадьбы-то не будет, – оживился Ёрш.

– Что-о-о? – удивленно протянул Саня.

– Я на днях поехал с её родителями в село. На второй день посмотреть базу, домики заказать, беседку там выбрать, ну чтоб шашлыки жарить и всё такое. Она дома осталась.

– Ну?

– Вот и ну! Вернулись, а там немножечко неудобная ситуация получилась. Не один я у неё оказывается.

– Ты придумал это или в натуре попал?

– Нет, это я вам в натуре говорю, – Ёрш с досады сильно ударил ладонями по кожаному рулю.

– Догадываешься, или ты видел это всё?

- Видел.
- Ну, тогда всё, накрылась свадьба, – присвистнул Саня.
- Вот ты спрашивал, Косарь. Я думал, женюсь, от Карпа уйду к тестю. У того тоже везде свои прихваты. Хватит уже с меня всех этих дел.
- Неожиданно... значит, точно надумал уходить? – спросил Косарь. Ёрш, не отвечая, кивнул. Косарь сменил тему, – ладно, парни, смотрите сюда. Самое главное в квартире не перепутать картины. Нужны только те, что нашла эта крыса.
- Смотрите, смотрите, кажется, он... и не один идёт, с ним кто, видишь?
- Кто этот второй? А он тут зачем? – забеспокоился Ёрш.
- Валим обоих?
- Почему сразу валим? Сначала выяснить надо!
- Выпустишь, а он – сдаст. Так что его точно! Короче, без разницы, либо здесь, либо в Донецке, правильно?
- Нет, не без разницы. Желательно его отсюда увезти, – уточнил Косарь.
- Вывезти, я понял, и там его. Вопрос в другом, как по дороге не попасться.
- Нет, это не он! Показалось... Да не переживай ты так, не попадетсЯ нам никто по дороге, главное, на Мелитопольском посту не спалиться, – успокаивал Саня Ерша.
- Там – да, если он только слово одно скажет...
- Да никто ничего не скажет. Передоз надо организовать, – предложил Косарь.
- Передозом его валить? Я понял. Чётко будет! – обрадовался Саня.
- Чтoб он в дороге вёл себя культурно.
- Я понял.
- Его нужно посадить и везти просто, как пьяного.
- Ёрш приободрился, выбросил только закуренную сигарету, закрыл окно.
- Кстати, пробили симферопольских, которые ему картины за бугор вывозили. Ими уже серьёзные люди занимаются.
- Короче, давайте подытожим. Вернётся, мы его резко принимаем. Но тихо и вежливо. Телефон сразу забираем, чтоб он не успел ни одной кнопки нажать. Всё выясняем, где брал картины, где ещё лежит. Будет упираться, придётся объяснять. Потом колем ему дозу и везем.
- Он на поле боя погибнет за родину, как говорится, – вставил Саня.
- Все замолчали. Вспомнив рассказ Ерша, Косарь опять развеселился.
- Ну та, Ершака, можешь поднять настроение... Вот этот тесть твой. Он уже теперь уже как бы и не тесть.
- Ну, уже как бы да, но отношения с ним у меня хорошие. С ним и с тещей бывшей.
- А он в курсах?
- Конечно, мы же приехали все.
- И что он говорит?
- Да ничего не говорит. Он ей по морде наездил хорошо. Мама тоже её «благословила»... шваброй.
- Так что ж случилось такое, не пойму?
- Короче, раньше у нее был парень, военный. Полтора года назад он уехал, типа, его перевели по контракту куда-то на Россию служить. Они не созванивались, не созванивались, не переписывались. Он исчез. А тут я нарисовался. Гуляли там, отдыхали, море, цветы...
- Ага-ага, любовь! – вставил Саня.
- Любовь... До свадьбы дело дошло и вдруг этот резко приехал, только я не знал. А ещё так получилось, что мы сначала собирались вместе ехать в Орлиное. Там домик для новобрачных, ну и всё вот это вот.
- Ага-ага, ну и?

– Ну и тут она мне начинает втирать, типа, вот, мне надо ещё по поводу платья поехать, по поводу торта встретиться, типа, давно договорилась на это время и, типа, она не может перенести, и пятое-десятое, типа, чтобы сами без неё ехали. «Что, ты не выберешь для нас домик?» – спрашивает. Я говорю: «Ладно, оставайся». Мы как-то даже этому не придали особо значения.

– Ты прости, братан, что я смеюсь. Может она просто девичник себе устроила?

– Да подожди ты, – Сане хотелось узнать окончание этой комедии, – а вы что? – А мы поехали, порешали всё и быстро вернулись.

– Что, он ещё дома был?

– Да. Они не думали, что мы так скоро приедем, и ему ка-а-ак прилетит...

– И он ничего не спросил? Не объяснял? – уточнил Саня.

– Нет, его просто спустили с лестницы. Тесть... Бывший.

– А-а-а. Здоровый тесть?

– Ростом чуть ниже меня, но всю жизнь в спецуре прослужил.

– Боевой?

– Да. Боевой. Побывал много где. ЧОП у него там. Банки-шманки охраняет, все дела, сам знаешь. Говорит, давно ко мне присматривался. Спрашивал, не замазан ли я по мокрому. Ну, ты же знаешь сам, мне на это всегда везло. Мимо проходило как-то. Я и сейчас за то, чтобы не брать грех на душу, – Ерш, перекрестившись, пошептал что-то губами и продолжил – тесть сказал, замом сделает, Я сомневался, думал, если уйду к нему, все скажут, что сам Ерш ничего не мог, кроме как шестерить у Карпа и только благодаря невесте попал на теплое место. А теперь после этого «девичника» руки у меня развязаны. Я поговорю с Карпом. Объясню все, что ужоу. Новую жизнь начну...

Во дворе показался крепкий невысокий мужчина с объемной сумкой. Он подошел к окнам, за которыми следили пассажиры BMW, проверил на прочность недавно установленные решетки, удовлетворенно улыбнулся и пошел к подъезду.

.– Смотри, смотри, – засвистел Саня, – идёт! Один! И никого во дворе.

– Двинули за ним, парни!

– Ёрш, вперед!

В своем воображении Щедрин неоднократно представлял первый день новой жизни. Строил догадки. Как это будет? С чего начнут немцы? Ему было так страшно, что даже любопытно. От холода и переживаний не спалось, за стеной у Антоновых часы проббили четыре. Надрывно и долго кашлял Владимир Алексеевич. Щедрин натянул одеяло на голову, пытаюсь согреться.

Не могут же они убить всех, – рассуждал он. – Просто физически уничтожить. Расстрелять или повесить. Это как-то... не по-человечески. Немцы же – цивилизованные люди. Да и не зачем им это делать. Кто тогда будет им строить, кормить, пахать, сеять, строить? Значит, убьют не всех. Полстраны под фашистами. И ведь живут же как-то. Страдают, конечно, но живут!» – не сказать, что от осознания этого Щедрину сильно полегчало, но всё же. Навязчивая мысль крутилась, не давая уснуть. «Вот придут. Объявят, наверняка, о новых порядках. Что-нибудь запретят. Что-нибудь отберут. Ну, посадят кого-нибудь. Не могут не посадить! Тогда в 33-м следователь ОГПУ так и сказал, что посадит нас просто по разнарядке на контриков. А чтобы меньше дали, предложил показать против себя на обвинении. Или против Сапожникова с Воронцевичем. Кто тогда согласился, так и осталось неизвестным. Сослали-то всё равно всех, причём по разным местам. Вот и сейчас придут немцы и посадят. Но кого? За что? Под каким предлогом? На рынке говорили, что Гитлер разрешает грабить только первые три дня. Главное, пережить это. Я-то справлюсь. Но что будет с музеем? С дворцом... и парком? Со всеми ними? Или...нами... ими...или».

Лунный свет заполнил всю комнату. Щедрин оделся и вышел к морю. Плотный воздушный поток гнал в парадном строе облака, подсвечиваемые полным ярким диском. Ветер хлопал лапами его пальто, порывом унес в гладкое море шляпу Щедрина и погнал ее мерцающей дорожке. Холодное сияние нарастало, сначала оно заняло четверть, затем половину неба и, наконец, свет поглотил самого Щедрина, пронзив его тело миллиардами колких лучей. Щедрина потянуло вверх, выше, выше облаков, выше света, выше гор, стало тревожно и тяжело дышать. Щедрин увидел с разных сторон от себя две каменные громады, с неровными поверхностями, наподобие метеоритов или целых планет, движущиеся друг навстречу другу, и только он, Щедрин, им преграда, только он способен предотвратить их губительное столкновение. Пот заливал стекла очков, руки и тело дрожали, но он держался, казалось вечность. Вдруг напряжение спало в один миг, и гиганты растаяли в бездушной пустоте. Обессиленный Щедрин рухнул на берег и...проснулся.

Невероятно, но первых немцев в музей Щедрин позвал сам. Причиной тому были румынские солдаты, ставшие во вторник лагерем в Нижнем парке дворца. Шумные, грубые, какие-то неопрятные они сразу вызвали в Щедрине стойкое чувство брезгливости. В первый же вечер была устроена пьяная гулянка прямо на газонах магнолиевой рощи, за которыми сотню лет трепетно ухаживали садовники дворца. В четверг, несмотря на непогоду, все повторилось. Вновь до глубокой ночи играла музыка, нарочито хохотали невесты откуда взявшиеся девицы, офицеры, соревнуясь, открывали стрельбу по бутылкам, птичьим гнездам, чашечкам итальянских фонтанов. Окончательно освоившись к субботе, румынские кавалеристы от безделья и безнаказанности гарцевали на холеных конях по знаменитой лестнице Южного фасада. Последней каплей, переполнившей чашу терпения Щедрина, стала игра на паркете дворца мраморным шаром, отбитым от скульптурной композиции. Десятки лет по этим комнатам ходили только в войлочных тапках, дышать боялись, берегли наследие старых мастеров, а тут такое варварство! Щедрину казалось, что не шар то катится, и не лак трещит, а сердце его, разрывается от бессилия и ненависти. «Остановитесь, прошу вас!» – крикнул он румынам почему-то на-немецком. Это подействовало. В повисшей тишине Приемной залы Сергей Григорьевич, словно арбитр, назначивший штрафной удар, прошагал до шара и, еле дыша, снял его с драгоценнейшего покрытия, по которому уже раскинулись паутины трещин.

Утром Щедрин надел свой парадный костюм, который он берег для экскурсий иностранным делегациям или высоким московским гостям, и отправился в бывшую усадьбу графини Г-ной, где, по его предположению, вслед за горисполкомом должна была разместиться комендатура.

В очках с толстыми стеклами, шляпой в одной руке и ядром в другой, Щедрин выглядел весьма комично. Торговки хихикали ему вслед, а патрульные жандармы уступили дорогу.

«Как банально», – улыбнулся Щедрин, увидев полотнище со свастикой именно там, где еще недавно развевался красный стяг. Выдохнув, и переложив доказательство вины румын из одной руки в другую, он гордо прошел мимо удивленных часовых. Немцы при виде столь уверенного в себе русского приветствовали его, словно офицера.

В небольшой приемной было многолюдно и душно. В очереди ожидали бывший главный инженер алупкинской МТС по фамилии, кажется, Стаценко и незнакомая Щедрину еврейская парочка в возрасте. Дама сидела на венском стуле и теребила платок, покрывавший верх корзины. Руки ее мужа оттягивал потертый чемодан. У самого входа в кабинет коменданта за столом под зеленым сукном сидел Степан Устименко, бывший директор продовольственной базы. Увидев Щедрина, Устименко широко ухмыльнулся, отложил конверт, вытер влажные ладони об выпирающий живот, перед тем как протянуть руку.

– Сергей Григорьевич, дорогой, вот и Вы к нам пожаловали! – обрадованно загудел он, вставая навстречу Щедрину.

Рука Устименко повисла в воздухе.

– Я не к вам, – Щедрин почувствовал тошноту, так ему было противно и неловко из-за неприятного рукопожатия, – я – к коменданту.

– К господину коменданту, Сергей Григорьевич, – насупился Устименко. – Так тут все к нему, – он грузно вернулся за стол, – за ним держись, – он показал на инженера, смял вдруг конверт и бросил в ведро. Щедрин отвернулся и стал смотреть в южное окно. Море было скрыто туманом, а во дворе два дружинника ругались с неуступчивой торговкой свежей выпечкой. Не сойдясь в цене, один из них потянул весь плетеный короб на себя. Тощая подвязка не выдержала натуги и разорвалась, баба шлёпнулась задом в грязь под издевательский смех грабителей.

Щедрин повернулся и поздоровался с вошедшей врачом санатория им. 10-летия Октября Павловой, очень удивившейся Щедрину.

– Какими судьбами, Анна Николаевна?

– В госпитале не хватает лекарств и бинтов, принесла списки необходимого, видимо, придётся ехать в Симферополь. А Вы? По бухгалтерии пекарни? – тут она заметила шар, – или...

Щедрин молча покачал головой. Тяжкая ноша уже давно и основательно измучила его, но расстаться со своим крестом, пусть и принявшим такую необычную форму, он не мог. Объяснить цель своего визита Павловой Щедрин не успел, в это время показались от коменданта супруги-евреи, она – в слезах, и Устименко напомнил: «Не забудь, господин комендант».

В отличие от натопленной приемной у коменданта было прохладно. Через приоткрытую форточку ноябрьский ветер надувал благородную штору, неспешно перебирая ее бархатные складки. Комендантом оказался подтянутый капитан лет сорока пяти с зачесанными назад светлыми редеющими волосами. Над левым нагрудным карманом Щедрин заметил двухрядную планку. Строгий по должности взгляд растаял при виде столь нелепого посетителя. Улыбка на мгновение вскинула верхнюю губу офицера. В углу за небольшим бюро, уставленном чернильницами, сидел секретарь, исполнявший и обязанности переводчика.

– Что это у Вас в руках, надеюсь, не бомба?

– Нет... господин комендант, – памятуя о наказе Устименко, сказал Щедрин, – бомба не наш метод. Мы люди культуры. Я из музея графа. Вел экскурсии.

– О чем просите?

– Прошу?

– Здесь все о чём-то просят.

– Как я могу к Вам обращаться, господин комендант?

– Капитан Гаус, если Вам будет угодно.

– Господин капитан Гаус, я не прошу, я пришел предложить вам сделку.

– Вот как. Неожиданно. Прошу, присаживайтесь.

Щедрин наконец-то освободился от своей мраморной вериги. Накрыл её шляпой. Размял уставшие кисти. Капитан простучал мундштук, закурил.

– Итак.

– Господин комендант, я служу в музее...

– Вы директор?

– Я смотритель, – уклончиво ответил Щедрин, – мне поручено сохранить имущество музея.

– Сохранить? Для кого? Для Советов? Вы еще на что-то надеетесь?

– Для всего человечества. Культурные ценности равнодушны к политике, – заметив, что комендант кивнул, Щедрин приободрился. – В нашем музее за 100 лет собраны богатейшие коллекции книг, скульптур, картин.

– Картин? Это интересно!

Щедрин понял, что проговорился, но быстро нашёлся.

– Копий, господин комендант. К сожалению, в нашем музее были только копии. Подлинники, – Щедрин замялся, – находятся совсем в других местах. Но вот сам дворец весьма оригинален. И теперь он под угрозой. Я пришел сообщить Вам, что еще неделя и эти румынские варвары разнесут его по своим кибиткам. Они устроили склад амуниции и продовольствия в залах. Вчера они разрушили балюстраду, – смотритель продемонстрировал коменданту шар. – Завтра примутся за сам дворец. Вряд ли господам офицерам из Германии захочется посещать развалины. Я предлагаю восстановить экспозиции и открыть музей для экскурсий. При дворце находится его бывший директор, Антонов Владимир Алексеевич, он мог бы все наладить.

– А почему он сам не пришёл?

– Он болен, ревматизм, спина, – Щедрин заохал, театрально схватившись за поясницу. Гаус и переводчик заулыбались.

– Это весьма похвальное предложение. И очень неожиданное. Вы просите не для себя. Как Вас зовут? Где Вы родились?

– Щедрин Сергей Григорьевич. Мои предки жили в Москве со времен Екатерины Великой.

– О! Екатерина, да. Я слышал, она была немка. Но она правила вами русскими.

– Да. Более тридцати лет.

– Вы еврей?

– Нет, господин комендант. Мой отец – богатый вяземский дворянин из смоленских земель. Если бы мы были евреями, нам бы не позволили жить в Москве.

– Я не знал, – признался Гаус, – весьма предусмотрительно... Видимо, на Петербург это правило не распространялось. Вот они там и устроили революцию.

Комендант задумался. Он подошел к окну и отдернул штору. Мягкий свет наполнил кабинет. Предложение этого русского выглядело заманчивым, и по времени было как нельзя кстати. Берлин требовал от администраций всех уровней установления долгосрочных контактов с местным населением. Возобновление функционирования полноценного музея в непосредственной близости от линии фронта, свидетельствовало бы об уверенности вермахта в скорой победе, торжестве нацистской культуры и немецкого духа. Это, наверняка, понравилось бы не только Манштейну, но и самому Розенбергу.

– Сколько Вам нужно времени, чтобы восстановить музей?

– Это невозможно, пока во дворце хозяйничает румынская кавалерия.

– Я это возьму на себя. Сколько времени...

– Две недели, господин комендант.

– Я Вам дам... три дня. Через три дня ждите меня к себе... герр профессор.

Комендант вернулся за стол, снял трубку телефона. В кабинет немедленно вошел унтер.

– Выдайте господину Щедрину свидетельство на руководство музеем во дворце графа. И вышвырните этих румынских варваров из парка. – Провожая Щедрина через приемную, он показал ладонь с поднятыми вверх большим, указательным и средним пальцами «Три дня, герр профессор, три дня».

Павлова недоуменно вскинула брови. Устименко был вне себя от успеха музейного выскочки: «В горах широких дорог не бывает, еще встретимся».

Как на крыльях летел обратно Щедрин. Он не замечал холодного пронизывающего ветра, разогнавшего утренний туман, а мрамор уже не казался ему таким уж тяжелым. «Веселится и ликует весь народ!» – гремело в его голове. Идеи, как обустроить музей, рождались во множестве, наслаивались одна на другую, торопили и будоражили, Глинка то и дело сбивал шаг на детский танец. Даже подкрадывающийся жар еще не мешал радости. Дворец будет жить! «... и

ликует весь наро-о-од». Щедрина так хотелось поделиться своими новостями с Антоновыми, что он первым делом отправился к ним.

– Владимир Алексеевич, Варвара Андреевна, у меня для вас потрясающие, да что там говорить, просто восхитительные новости. Нам оставляют дворец! Завтра должны съехать румыны из парка. Вы соберете всех и объявите, что музей возобновит работу. Владимир Алексеевич, Вы будете руководить всем, как раньше, – Щедрин говорил взволнованно и даже торжественно, – мы сохраним дворец. Я был у коменданта, капитан Гаус оказался весьма благородным и дальновидным человеком. Он нам очень поможет.

– Нет. Сергей Григорьевич, я категорически отказываюсь поверить в то, что слышу. Вы полагаете, что я пойду на службу к фашистам? Я не заслужил такого унижения.

– Володенька, тише, тише, – Варвара Андреевна обняла супруга сзади за плечи.

– Может я не так как-то выразился? – опешил Щедрин.

– Все так, все так. Только попрошу Вас, уважаемый товарищ Щедрин, оставить нас с Варварой Андреевной. И в прямом, и в переносном смыслах. Покиньте наш дом и никогда, я настаиваю, никогда более не обращайтесь ко мне ни с этим, ни с другими подобными предложениями.

Антонов со стоном поднялся, достал ключи от директорского кабинета, сейфа и с силой бросил их на пол. Щедрин был раздавлен. Он молча поднял связку и вышел из комнаты. Побитым псом, склонив голову, и постоянно спотыкаясь о брусчатку, побрел он во дворец. Остановился в нешироком проезде, ладонями оперся о холодные камни стены.

– Господи, почему же меня все оставили? Если брошу я начатое, что же будет со всеми нами?

Продрогшим, с отсутствующим взглядом нашёл Щедрина Амди во время очередного обхода. Отвел его к себе домой, отогрел, укрыв бараными шкурами, насильно накормил горячим бульоном. Но было поздно: Щедрин слёг.

Анна Николаевна Павлова тысячи советских граждан поставила на ноги в свою бытность пульманологом, еще больше, когда стала главврачом одного из ведомственных санаториев, расплодившихся по инициативе наркома Семашко. К Павловой ехали со всей страны за ее поистине безошибочными диагнозами. Славилась человеком добрым и отзывчивым. За чинами и наградами не гналась. Не того характера была, да и времени на карьеру не хватало. В партию не вступала, а ведь звали и не раз, хотя и знали за ней один несоветский пункт: глубокую религиозность. В доме Анны Николаевны икон было несчетно, Незаметно от всех постилась, а отпускное время тратила на посещение святых мест. Где только Павлова не побывала за столько лет: на Валааме, в Оптиной пустыне, Троице–Сергиевой лавре, пока не позакрывали монастыри и храмы по властной прихоти. Начальство на Павлову косилось и даже поругивало. Но так как вера ее была тихая, на люди не выносимая, то сходило это с рук доктору долгие годы. Но аукнулось это Павловой, ой, как аукнулось. Не нашлось для неё места на кораблях ни в первую волну эвакуации, ни позже. Значит такова моя миссия, смиренно сказала себе Анна Николаевна и продолжила честно трудиться. Сначала при развернутом в конце лета в санатории красноармейском госпитале, а когда над городом затрепыхались свастики, то и тогда она, ни на день не прерываясь, вышла на службу, выхаживала больных и раненых без учёта национальностей и званий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.